

Чжоу Жун принял решение, небрежно стянул промокшую насквозь рубашку, оставаясь с голым торсом в одних лишь брюках, и толкнул дверь ванной комнаты. А затем замер на пороге.

За те короткие минуты, что его не было, Сы Сяонань каким-то образом очнулся.

Сы Сяонань сидел в горячей воде, еще не до конца придя в себя и выглядя слегка ошарашенным. Он опустил взгляд на свое тело, затем поднял его на Чжоу Жуна, чьи рельефные, мощные мышцы сейчас были выставлены напоказ, и застыл, не в силах сообразить, что происходит.

В ванной воцарилась тишина. Тяжелое, давящее молчание медленно расползлось вместе с клубами пара.

Сы Сяонань сидел в ванне, погрузившись в горячую воду едва ли не по пояс. Из-за поразительной плоскости живота виднелась лишь половина изящной, едва намеченной линии Аполлона, а сам он слегка подался вперед. Прилипшие к лицу влажные пряди волос обрамляли виски и лоб, а прищуренные глаза, смотрящие на Чжоу Жуна снизу вверх, придавали его лицу острый, хищный вид с приподнятыми уголками.

Чжоу Жун прекрасно знал эту позу. Ее можно было истолковать двояко:

Либо омега, будучи обнаженным, сжимается, пытаясь прикрыться от смущения;

Либо это предвестник атаки, когда тело воина напряжено до предела.

Судя по тому, что он знал о Сы Сяонане в обычном состоянии, это был второй вариант.

Чжоу Жун искренне произвел:

— Если я скажу, что просто помогал тебе помыться, ты согласишься?

После долгого молчания Сы Сяонань медленно отозвался:

— Я сделаю вид, что верю, из вежливости.

— ...

— Так ты хочешь помыться вместе или?..

Конечно, хочу!

Этот рык, подобно раскаленному докрасна шарiku, несколько раз перекатился во рту у Чжоу Жуна, прежде чем тот с трудом его проглотил. Чжоу Жун отступил за дверь и вежливо произнес:

— Нет-нет, позовешь, когда закончишь. — С этими словами он аккуратно, едва слышно закрыл дверь.

Щелк.

Сы Сяонань, все еще сохраняя напряженную позу, медленно откинулся назад, и вода в ванне плеснула через край.

Горячая вода пропитывала тело, шаг за шагом снимая холод, скованность и ломоту в мышцах.

Приятное покалывание проникало глубоко в нервы и кости, вызывая слабость во всем теле. В тот самый миг, когда он пришел в сознание, он ощутил нечто очень странное... то, с чем никогда прежде не сталкивался, но что смутно, на уровне инстинктов, узнавал.

Он не успел додумать эту мысль, как вошел Чжоу Жун, прервав его размышления, а нахлынувшая волна феромонов Альфы лишь усилила эти изменения.

Когда Чжоу Жун заговорил, Сы Сяонань, слушая его голос, почувствовал, как где-то внутри него словно что-то сорвалось с места.

— Плохи дела.

Сы Сяонань закрыл глаза, прислонившись спиной к холодной кафельной плитке. Он лихорадочно пытался восстановить в памяти последние дни, обрывочные и бессвязные, используя силу разума, чтобы подавить странное, разливающееся внутри него томление, но это почти не помогало.

В клубах поднимающегося пара ему казалось, что глубоко внутри него колыхнется озерцо теплой воды, вот-вот готовое выйти из берегов. И когда он пытался вспомнить, что именно те придурки из шайки Ромюэля пытались у него во время допроса, в голове всплывала вовсе не боль от ударов током, а крепкие, сильные руки Чжоу Жуна и узкая полоска темной кожи у ворота его рубашки.

Уголок губ Сы Сяонаня дернулся. Не в силах дольше оставаться в горячей воде, он с плеском встал и кое-как вытерся.

Чжоу Жун аккуратно сложил чистую одежду на полке в виде идеальных квадратиков. Сы Сяонань натянул чистую рубашку, машинально протер зеркало и увидел свое покрасневшее лицо с влажным блеском в уголках глаз.

— ...Готово.

Чжоу Жун, варивший на кухне кашу, поднял голову.

Сы Сяонань стоял у входа на кухню, расправив плечи, с невозмутимым лицом и ровным голосом, достойным ведущего новостей. Только уголки глаз почему-то слегка покраснели.

Хотя он больше не выглядел как поникший сверток в одеяле, даже в таком виде он казался невероятно красивым — от него веяло чистотой и собранностью, к которой невольно тянулись люди. Чжоу Жун на мгновение устыдился своих непристойных мыслей, кашлянул, отложил половник и улыбнулся:

— Тогда я тоже пойду приму душ. Пригляди за кашей, чтобы не пригорела, соль и сахар на полке.

Сы Сяонань промолчал.

Чжоу Жун вышел из кухни, проходя мимо него, и на мгновение ему показалось, что взгляд Сы Сяонаня на долю секунды скользнул по его воротнику.

Чжоу Жун:

— ...?

Это он зарится на мое безупречное тело, или мне просто померещилось?

Чжоу Жун, толкая дверь в ванную, не удержался и обернулся. Сы Сяонань, грациозно и спокойно дойдя до плиты, сосредоточенно дул на ложку с кашей; в густом пару был виден только его изящный подбородок.

Должно быть, показалось, с досадой подумал Чжоу Жун и закрыл дверь.

Чжоу Жун, которого распирало от сдерживаемого возбуждения, прислонился к двери, в голове прокручивая сцены, не поддающиеся описанию. В ванной, наполненной теплым паром и ароматом меда от его феромонов, он сам себе помог дважды, и его измученные жаром нервы наконец немного остыли.

Он принял ледяной бодрящий душ и вышел из ванной, полный сил, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сы Сяонань украдкой добавляет что-то в кашу.

— Что случилось? — спросил Чжоу Жун. — Она и так густая! Не добавляй консервы!

Сы Сяонань тут же развернулся и спрятал руки за спину:

— Хорошо. — А затем облизнул испачканный уголок рта.

Командира Чжоу сбили с толку его красноватые губы, и он не сразу проявил должную бдительность.

Чжоу Жун порылся в грузовом отсеке, нашел пакетик печенья размером с палец, раскрыл его и покормил Сы Сяонаня, заодно воспользовавшись случаем, чтобы рассмотреть форму и блеск губ товарища Сяо Сы с близкого расстояния. Затем он разогрел сушеный лук и соус из армейского рациона, чтобы сварить в них нарезанные фрикадельки, добавив туда сухари.

Сы Сяонаню нечего было делать, и он праздно слонялся по кухне. Чжоу Жун бросил ему ключи от машины:

— Сходи, поищи там что-нибудь попить, вдруг пиво есть.

Сы Сяонань отправился выполнять приказ и через мгновение вернулся с пакетиком растворимого напитка, держа его двумя пальцами прямо перед носом Чжоу Жуна.

Изотонический напиток с высоким содержанием клетчатки и белка.

— ...Лучше, чем ничего, — утешил себя Чжоу Жун и окинул Сы Сяонаня оценивающим взглядом:

— Почему только один пакет? Тебе не надо?

Сы Сяонань покачал головой.

— Сегодня хороший день, надо бы отметить. Возьми что-нибудь выпить.

Сы Сяонань ответил:

— Нет, оставляю тебе.

Они долго смотрели друг на друга: Чжоу Жун с беспокойством, Сы Сяонань — с невинным

видом. На кухне слышалось лишь бульканье каши.

Наконец Чжоу Жун вздохнул, протянул руку и стер с уголка рта Сы Сяонаня белый порошок:

— Сухое молоко — твое, не прячься и не ешь его всухую. Заваривай водой и пей, хороший мальчик.

Сы Сяонань:

— ...Хорошо.

Сы Сяонань бродил туда-сюда, то и дело таская сухарики или принимая из рук Чжоу Жуна кусочки мяса, так что к ужину почти наелся.

Чжоу Жун накрыл стол у окна на втором этаже, раздвинул шторы, открывая вид на звездное небо. На столе стояли две дымящиеся кастрюли: каша из риса с тушенкой и сушеными овощами, а также сухари в луково-мясном соусе.

У каждого были свои миска и палочки. Чжоу Жун пил свой белковый напиток, а Сы Сяонань — сладкое молоко, разведенное горячей водой.

Они чокнулись. Чжоу Жун прочистил горло и торжественно произнес:

— Сегодня памятный день. Наш отряд «118» после четырех месяцев скитаний и бегства наконец дождался момента воссоединения и встречи нового времени — праздника Весны.

Сы Сяонань бесстрастно похлопал, Чжоу Жун отпил из кружки:

— За первый тост: организация желает товарищу Сы Сяонаню в новом году расти здоровым, жить в безопасности и во всем достигать успеха.

Сы Сяонань подыграл:

— И брату Жуну того же.

Чжоу Жун потрепал его по голове и вручил «красный конверт» — маленький пакетик изюма.

— За второй тост: желаю, чтобы сейчас отсутствующие товарищи из 6-го взвода 118-го отряда — Чуньцао, Янь Хао, Дин Ши и Го Вэйсян — уже благополучно добрались до базы Наньхай и успешно передали данные Центральному правительству. И пусть семнадцать наших боевых товарищей, покинувших нас, упокоятся в раю с миром и удачно переродятся... хотя нет, лучше пусть подождут, пока закончится этот хаос.

Чжоу Жун сделал еще глоток и по памяти перечислил имена всех семнадцати погибших в том порядке, в котором они ушли, последним назвав Чжан Инцзе.

Когда он закончил, наступила тишина. Сы Сяонань молча смотрел на него.

— За третий тост: желаю, чтобы правительство как можно скорее разработало антивирус, чтобы человечество покончило с этим бедствием, отстроило дома и вернуло себе мир и спокойствие.

Чжоу Жун поднял бокал к сияющему небосводу и выплеснул остатки напитка на пол:

— На небесах и на земле, миллионы душ предков, станьте свидетелями того, как мы, простые смертные, продолжаем нести искру надежды на выживание нашего вида.

Этой ночью не было луны, но звезды мерцали так ярко, что горы и реки казались озаренными слабым белым светом.

<http://bllate.org/book/18107/1738953>